

«МИРИСКУСНИКИ» О ДЯГИЛЕВЕ. ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Попова В.В., к.и.н., доцент кафедры политической истории МИЭИ НИУ ВШЭ

Сергей Павлович Дягилев – одна из самых удивительных фигур нашей истории и культуры. Это кажется настолько очевидным, что доказательство сего тезиса вызывает определённые затруднения: очевидное бывает сложнее доказать, нежели спорное или новое. Попробуйте сами объяснить, что такое ложка...

Сложности возникают, когда Вы только начинаете отвечать на простой вопрос: «кто такой Сергей Павлович Дягилев?» Почему его именем названа одна из парижских площадей, и не просто какая-то площадь, а одна из тех, что примыкает к Гранд-Опера? Почему его имя – одно из тех, честно скажем, немногих, достаточно широко известных во всём мире? Наконец, кто он, действительно, был такой и чем вообще занимался? Кто он – не писатель, не поэт, не композитор, не художник, не учёный? Как, наконец, определить его одним словом?

Сам он в одном из писем своей приёмной матери однажды описал себя так: «Что касается до меня, то надо сказать, опять-таки из наблюдений, что я, во-первых, большой шарлатан, во-вторых, большой шармер, в-третьих, большой нахал, в-четвертых, человек с большим количеством логики и малым количеством принципов и, в-пятых, кажется, бездарность; впрочем, если хочешь, я, кажется, нашел мое настоящее назначение – меценатство»¹.

С.П. Дягилев родился 19 (31) марта 1872 г. в Перми в Новгородской губернии в не слишком богатой дворянской семье. В 1890 г. Дягилевы переехали в Петербург, где Сергей поступил в Санкт-Петербургский университет на факультет права. Этот выбор кажется странным, однако в то время туда шли учиться не только те, кто собирался связать свою жизнь с юриспруденцией, но и те, кто просто хотел получить приличное высшее образование, но не видел в нём фундамента для будущих своих занятий.

В Петербурге кузен Дягилева, Дмитрий Философов, познакомил его со своими ещё школьными друзьями Александром Бенуа и Валентином («Валечкой») Нувелем, с которыми они образовали нечто вроде искусствоведческого

¹ А. Ласкин. Долгое путешествие с Дягилевыми. Екатеринбург. 2003. С. 106.

кружка. Из него со временем и выросло художественное объединение «Мир искусства». Позже Бенуа так описывал свои первые впечатления от нового знакомца: «он поразил нас своим цветущим видом. У него были полные, румяные щеки и сверкавшие белизной зубы, которые показывались двумя ровными рядами между ярко-пунцовыми губами. Каждый раз, когда он смеялся, вся «внутренность» его «пасти» раскрывалась «настежь». Смеялся же Сережа по всякому поводу. Вообще было видно, что он в высшей степени возбужден сознанием, что он в столице, в то же время он радовался своему знакомству с ближайшими друзьями его двоюродного брата .... Резюмируя впечатление, произведенное Сережей, скажу, что он показался нам «славным малым», здоровяком-провинциалом, пожалуй, «не очень далеким», ... немного примитивным, но в общем симпатичным.»²

Взаимоотношения известной борьбы продолжались между нами в течение многих последующих лет, но я бы сказал, что именно это соревнование придавало особую жизненность и остроту нашей дружбе и отзывалось благотворным образом на нашей деятельности.

Очень характерны были в наших отношениях именно эти размолвки, раздоры, ссоры. ...Иная ссора длилась месяцами, я расставался с ним «навсегда», «выходил в отставку» (из какого-либо общего дела), я слышать ничего больше не хотел о Дягилеве, ставил ему в вину всякие промахи и неудачи. А затем наступало примирение, и часто в самый такой патетический момент Сережа плакал настоящими слезами, плакал, ибо, при всей своей безудержной энергии, он был сентиментален и болезненнее других переносил распри между друзьями.

...Творчество и есть основа и смысла его существования. При этом все же трудно определить, в чем именно это его творчество заключалось. Картин Дягилев не писал; за исключением нескольких (очень талантливых) статей, он не занимался писательством, он не имел ни малейшего отношения к архитектуре или к скульптуре, а в своем композиторстве он очень скоро совершенно разочаровался; запустил он и пение. Иначе говоря, Сергей Дягилев ни в какой художественной области не был исполнителем, и все же вся его деятельность прошла в области искусства, под знаком творчества, созидания. Я совершенно убежден, что и при наличии всех представителей творческого начала в

² А. Бенуа. Мои воспоминания. В 2-х тт. М., Наука, 1990. Т. 1. С. 639.

искусстве, ...³ при участии которых возникли выставки «Мир искусства» и ...издавался журнал того же наименования, при наличии тех, кто принесли свои таланты на дело, ныне вошедшее в историю под названием «Les spectacles russes de Diaghileff», и т. д., я убежден, что и при наличии всех этих сил, ни одна из названных затей не получила бы своей реализации, если бы за эти затеи не принялся Дягилев, не возглавил бы их, не привнес бы свою изумительную творческую энергию туда, где художественно-творческих элементов было сколько угодно, но где не доставало главного — объединяющей творческой воли.

У Дягилева была своя специальность, это была именно его воля, его хотение. Лишь с момента, когда этот удивительный человек «начинал хотеть», всякое дело «начинало становиться», «делаться». Самые инициативы его выступлений принадлежали не ему. Он был скорее беден на выдумку, на идею. Зато он с жадностью ловил то, что возникало в голове его друзей, в чем он чувствовал зачатки жизненности. С упоением принимался он за осуществление этих «не его» идей. Случалось, что я, Бакст, Серов делали усилия, чтобы заразить Дягилева идеей, явившейся одному из нас, и что в ответ на это он проявлял полную инертность. Мы обвиняли его в лени (смешно сказать, но больше всего попадало этому неустанному делателю от нас за лень), как вдруг через день (а то и через час) положение оказывалось опрокинутым. В глазах только что не верившего Сережи загоралась радость делания, и с этого момента он сразу принимается выматывать у того, кто предложил идею, все, что нужно для ее реализации. Взяв навязанное дело в руки, он его превращал в свое, и часто с этого момента инициаторы, вдохновители как-то ступшеывались, они становились ревностными исполнителями своих же собственных затей, но уже понукаемые нашим «вождем».

Дягилев был большой очарователь, настоящий «шармёр». Если он что-либо желал получить, то было почти невозможно устоять его натиску. И вот это шармёрство и удача этих натисков основывались на изумительной его интуиции, на поразительном угадывании людей, на ощущении их не только внешне, но и в их самых запрятаных закоулках. С самым беспечным видом, невзначай, мимоходом, он добивался нужных ему признаний и наиболее тщательно запрятанных секретов. Так же и в том своем «хождении по

³ Там же, с. 640-643.

знаменитостям» им несомненно руководила совершенно особая любознательность, тесно связанная с этим прямо-таки чудесным даром угадывания людей. Он, который ленился читать роман или зевал во время исполнения оперы, он со страстью (отлично скрываемой) способен был подолгу и очень внимательно изучать автора романа и автора оперы. Приговор его был до цинизма жесток, но почти всегда отвечал какой-то правде и той правде, которая не каждому доступна...⁴».

Если Бенуа знал Дягилева очень долго и близко, и потому смотрел на него как бы «изнутри», то Добужинский был с ним знаком куда меньше, и потому взгляд его — это, скорее, взгляд внешний, сторонний: «я очутился в этой среде, уже давно спевшейся и говорившей своим языком, как гость, попавший в незнакомый дом в самый разгар веселья <...> и это смещение серьезного и шутового особенно меня поражало. Тут было полное отсутствие педантизма, показывания какой-нибудь учености и эрудиции, которая, на самом деле, у многих была. Дягилев, при всей его приветливости, какую я встретил и у других, меня «стеснял». Это чувство так и держалось очень долго и после, несмотря на все его умение шармировать, улыбку, мягкое рукопожатие и внимание, с которым он беседовал. Он тогда был несколько «сырой» полноты с «сочным голосом певца» (он долго и серьезно занимался пением), в котором были «командирские» нотки и отпугивавший меня несколько «пшютковский» акцент. У него были манеры настоящего «грансенъора», и в то же время во всем его облике, в его пухлом лице и мягких губах, как ни странно, было что-то немного детское (я помню его забавную, именно детскую манеру тереть глаза «кулачком»). Во всей его повадке и манере разговаривать была какая-то барская леность, и в то же время я всегда видел его куда-то спешащим, иногда под вечер надевавшим фрак...⁵».

Дягилеву вообще свойственно было играть роль «барина». Временами эта манера раздражала даже его друзей — можно представить себе, как на неё реагировали посторонние. Так, А. Бенуа вспоминал, что «первые два года он держал себя среди нас более чем скромно, и лишь на третий год у него появились замашки, которые вызывали дружеские замечания и упреки. Особенно стал он нас тогда бесить в театре, где он проходил по партеру, как-то задрав свою

⁴ Там же. С. 644-645.

⁵ М. В. Добужинский. Воспоминания. М., Наука, 1987. С. 199-200.

огромную голову, еле здороваясь, и что особенно злило, он тут же дарил приятнейшими улыбками и усердными поклонами тех знакомых, которые занимали в обществе или по службе видное положение. Этот «стиль» он сохранил именно в театре почти на всю жизнь.⁶

А. П. Остроумова-Лебедева, не входившая в узкий круг друзей Сергея Павловича, но участвовавшая в выставках Мира Искусства, вспоминает, что «Дягилев держал себя диктатором, вид его был заносчив и высокомерен. Он своим тоном меня раздражал.⁷»

М. Ф. Ларионов, много лет сотрудничавший с Дягилевым, писал о нём так: «он удивительно чувствовал, когда именно нужно сказать или показать. Его никогда не интересовало что-либо только своей оригинальностью: надо, чтобы были еще художественные качества. ... Дягилев обладал свойством заставляя особенно блистать предмет или человека, на которых он обращал свое внимание. Он умел показывать вещи с их наилучшей стороны. Он умел вызывать наружу лучшие качества людей и вещей.

Он обладал еще одним совершенно особым свойством — он получал что-либо его интересующее в одном месте и наделял этим того, кого ему хотелось, чтобы тот имел это недостающее ему свойство. ... Дягилев мог работать с воодушевлением только, если был убежден в значительности того, что делает. Если такая убежденность терялась, то уже навсегда. И точно так же он терял интерес к людям, связанным с этим делом. Иногда, когда его помощники страдали неверием в свои силы, Дягилеву удавалось вселить в них веру в наличии таких качеств, какими те никогда не обладали.

Вопреки распространенному мнению, Дягилев не был упрям. Он был настойчив. Если в конечном итоге он осознавал, что в чем-то оказался неправ, ошибка признавалась с еще большим пылом, чем тогда, когда защищалось радикально противоположное мнение. Друзья его юности не всегда понимали эту обаятельную, чрезвычайно сложную натуру...

Дягилев относился к каждому, с кем работал, так, как будто все решительно в тот момент зависело именно от этого человека, словно тот был незаменим. И, одновременно,

⁶ А. Бенуа. Мои воспоминания. ..Т. 1. С. 641.

⁷ А. П. Остроумова-Лебедева. Автобиографические записки. В 2-х тт. М., 1974. Т. 1. С. 229.

поведение Дягилева создавало впечатление, что он легко мог заменить кого-либо или что-либо без всякого ущерба своему делу.⁸

Другой участник «Мира Искусства», Нестеров — уже позже, в 1924 году — вспоминал: «Дягилев — такой обаятельный, смелый, как солнце среди пасмурных передвижников, — освещал художественный мир... Но недолго оставался Дягилев среди созданного им дела. Его тянуло на Запад, в Европу — и он уехал туда. Его художественные выставки, постановка русской оперы, балета в Лондоне, в Париже и позднее за океаном прославили русское искусство. О нем восторженно заговорил Старый и Новый свет. Дягилев — явление чисто русское, хотя и чрезвычайное. В нем соединились все особенности русской одаренности. Спокон веков в отечестве нашем не переводились Дягилевы. Они — то тут, то там — давали себя знать. Редкое поколение в какой-нибудь области не имело своего Дягилева, человека огромных дарований, не меньших дерзновений, и не их вина, что в прошлом не всегда наша страна, наше общество умело их оценить и с равным талантом силы их использовать.⁹»

Для некоторого контраста мне хочется представить и взгляд человека, никогда не состоявшего в «Мире искусства», однако, всё-таки, имевшего к нему некоторое непосредственное отношение — директора Императорских театров Теляковского, в ведомстве которого одно время начинал служить Дягилев. Возможно, мы в некотором смысле обязаны ему: кто знает, как сложилась бы жизнь Дягилева, не будь он достаточно быстро уволен со своей «театральной службы» Владимиром Аркадьевичем, который довольно быстро сменил некоторую симпатию к Дягилеву и вообще к мирискусникам на очевидную неприязнь. То, как это происходило, зафиксировано в его дневниках: «упрекают меня за то, что я пользуюсь их инициативой и советами, несмотря на то, что Дягилева я не видал более 2-х месяцев. В общем видно, что вся эта компания не столько любит искусство, сколько себя и свое положение. Для них нет ничего невозможного, и вторгаться в область театра они согласны не иначе, как сообща все вместе. ... во всей организации этой клики есть что-то не то, что-то

⁸ Там же. С. 305-307.

⁹ Сергей Дягилев и русское искусство. В 2-х тт. М., 1982. Т. 2. С. 317.

невысказанное и непонятное. Они сердцем болеют даже больше за успех, чем за промахи наши.¹⁰

Все, что друзья Дягилева делают, все это делается так, чтобы вышла какая-нибудь история, какая-нибудь обида, какой-нибудь шантаж. Можно разорваться на части, но всегда в чем-нибудь окажешься виноватым, хотя и без вины.¹¹

Понемногу Дягилев вошел в роль обличителя и наставника и стал мне преподавать советы, как вести театральное дело. ... Он говорил со мной, не новичком дела, а человеком, работающим уже 5 лет, и работающим с ответственностью. Но, привыкнув работать, когда хочет, и проводя с Философовым по 4 месяца за границей, ему кажется все это просто и легко. Нахальство непомерное и недостойно умного человека. ... Вообще, ему очень хочется быть Директором.¹²

Конечно, предположение Теляковского и желаемом Дягилевым директорстве звучало смешно для тех, кто знал Сергея Павловича лучше, однако всё-таки некоторые основания для опасений тут действительно были, и основания эти — великий организаторский дар Дягилева, представление о котором тоже можно получить из воспоминаний его современников.

Так, например, уже цитированный здесь Добужинский в своих воспоминаниях писал: «я имел много случаев увидеть его фантастическую энергию организатора. Особенно он поражал ея всех во время устройства портретной выставки в Таврическом дворце (в 1905 г.). Туда были свезены со всей России сотни ящиков с картинами и заполнили весь пустой и холодный дворец (перед этим он извездил буквально всю Россию в поисках по разным именьям этих произведений). Я помню, как он, в пальто внакидку, отбирал вынимаемые из ящиков картины (свезены были огулом целые «галереи предков» из этих имений), и его отрывистый и крикливый голос: «брак!» или «взять!» раздавался то в одном, то в другом помещении дворца — он летал повсюду, распоряжаясь и командуя, как настоящий полководец на поле сражения, был вездесущ. Что было в нем замечательного — Дягилев, при всех своих замашках «полководца», входил во всякие детали,

¹⁰ В. А. Теляковский. Дневники директора императорских театров. М., 2002. С. 118-119.

¹¹ Там же. С. 181.

¹² Там же С.319- 320.

мелочей для него не было, все было «важно», и все он хотел делать сам. ... Помню, как однажды, чтобы подогнать меня с одной работой для портретной выставки, он приехал ко мне «на край света», в Измайловский полк, в мое отсутствие и дожидался меня целый час, только чтобы самому убедиться в том, что я делаю, и пристыдить меня за медлительность. Пресловутое «диктаторство» Дягилева с самого начала «Мира искусства» было признано как нечто вполне естественное, и все добровольно подчинялись этому. На моей памяти не возникало никаких вопросов, связанных с самолюбием, и недоразумений в среде «Мира искусства» не случалось. Выставки, устраиваемые журналом, были как бы личным делом Дягилева. Было, правда, как бы внутреннее товарищеское жюри, т. е. мы сами между собою совещались, что лучше выставить, но в конечном итоге он сам отбирал картины, и все охотно подчинялись этому выбору. Единственно, с кем он сам советовался, были Серов и Бенуа. Единство воли, которое сосредоточивалось в Дягилеве, было той силой «Мира искусства», которая могла объединить все невероятное разнообразие индивидуальностей, — что было особенно важно на первых шагах нашей новой художественной жизни. Теперь это кажется уже несомненным и роль Дягилева особенно замечательной.¹³

Ему вторит А. П. Остроумова-Лебедева: «иногда случалось, что Дягилев, как наш диктатор, организатор и устроитель выставок, определенно заявлял, что такую-то вещь он не выставит, и приходилось художнику подчиняться, так как он сознавал, что это вытекает не из личных отношений к нему.

А иногда наоборот: Дягилев забирался к художнику в мастерскую и почти насильно увозил от него забракованные автором вещи. И Дягилев не ошибался, так как обладал большим художественным чутьем. ... Бывало, на выставке идет большая спешка. Дягилев, как вихрь, носится по ней, поспевая всюду. Ночью не ложится, а сняв пиджак, наравне с рабочими таскает картины, раскупоривает ящики, развешивает, перевешивает — в пыли, но весело, всех вокруг себя заражая энтузиазмом. Рабочие, артельщики беспрекословно ему повиновались и, когда он обращался к ним с шутливым словом, широко, во весь рот ему улыбались, иногда громко хохотали. И все поспевали вовремя. Сергей Павлович утром уезжал домой, брал ванну и, изящно одетый, как денди, являлся первый, чтобы открыть выставку. Ночная

¹³ М. В. Добужинский. Воспоминания. М., Наука, 1987. С. 200.

работа на нем не отражалась. Темные гладкие волосы его разделял очень тщательно сделанный пробор. Спереди надобом выделялась белая прядь волос. Полное, румяное лицо с большими карими глазами сияло умом, самоудовольствием, энергией.

Он был настойчив и обаятелен, когда хотел у кого-нибудь чего-нибудь добиться, и почти всегда достигал успеха. Мы смеясь говорили: «Ну, Сергей Павлович кого угодно обернет вокруг пальца».¹⁴

Интересно, что, помимо всего прочего, Дягилев был ещё и страстным коллекционером, причём страсть к этому возникла у него в юности. Тот же А. Бенуа рассказывает в своих «Воспоминаниях», как во время первой своей самостоятельной поездки за границу в 1895 г. Дягилев «находил смелость проникать и к самым прославленным художникам, входить с ними в разговоры. При случае он и выманивал у них за самые доступные цены превосходные вещи (по большей части этюды, наброски, рисунки). Таким образом, за эти полтора месяца странствий по Европе ему удалось приобрести довольно эффектное собрание... то, с чего началось коллекционирование Серёжи...»¹⁵

Н. К. Рерих, знавший Дягилева ещё со времён миранискусствничества, написал на смерть Дягилева статью, которую символически назвал «Венок Дягилеву»: «только тот, кто лично соприкасался с ним во время жесточайшей битвы за искусство, во время неописуемых затруднений, мог оценить его созидательный гений и утонченную чувствительность...»

Кто-то говорил, что его антреприза была личным делом и, как импресарио, он работал для себя. Только злой язык и злобный ум могли произносить такую клевету на этого крестноносца красоты. Щедро отдавая свое для, он покрывал свою личную ответственностью многие события и идей, и больших и малых. Помню, что даже в час затруднения, в критическую минуту, он говорил: «Ладно, я сам подпишу. Считайте меня одного ответственным за это». И это не было знаком эгоизма, но это был виз единоборца, который знает, для чего он держит меч и щит.

Он далек был от дешевой популяризации и тем более вульгаризации искусства. Во всех многообразных

¹⁴ А. П. Остроумова-Лебедева. Автобиографические записки. В 2-х тт. М., 1974. Т. 1. С. 231-233.

¹⁵ А. Бенуа. Мои воспоминания... Т. 1. С. 645-646.

проявлениях он показывал искусство истинное... Может быть, со временем имя Дягилева будет смешано со слишком многими понятиями, на которые он сам бы и не согласился, но он был щедр и никогда не скупился даже именем своим. Когда он чувствовал, что оно может быть полезно, он легко давал его — эту свою единственную собственность...

Когда вспоминаем личность и труды Дягилева, перед нами встает благороднейший и гигантский итог синтеза. Его широкое понимание, непобедимая личная бодрость и вера в красоту создали прекрасный, незабываемый пример для молодых поколений. Пусть они учатся, как хранить ценности прошлого и как служить для самой созидательной и прекрасной победы будущего.¹⁶

Начав с воспоминаний А. Бенуа, я хочу и закончить его же словами, сказанным им в письме В. Н. Аргутинскому-Долгорукову: «до сих пор не могу опомниться от смерти Сережи. И не то, чтоб мне было бы его жаль. Скорее, я почти завидую ему. Так «вовремя» уйти, danftoutesagloire (во всей славе) и сравнительно без особых мучений и быстро — это ли не завидный удел? Но нас, «остающихся», мне жаль. Давно уже он перестал быть «нашим» вождем, да и в смысле дружбы он не вполне удовлетворял ее требованиям (может быть, и мы были в чем-то повинны перед ним), но где-то в глубине души и сердца я лично не переставал еще носить и нежнейшим образом любить эту несуразную, странную, стихийную Громаду, и к тому же было что-то во всем отношении Сережи к искусству, что, подчас, и заило, но почти всегда дразнило, подымало, придавало всему особую яркость и цветистость. Я прочел кое-что из написанного о нем То жаловаться нельзя. Это, разумеется, больше, чем просто формула autbene — autnihil** (или хорошо — или ничего). Но как это бледно, тускло и непохоже!

Кем Сереза кажется в этих некрологах — почтенным, ординарным, пресным. Как сближают они его со всякими другими художественными деятелями и затейщиками, тогда как, разумеется, в нем было что-то во всех смыслах чрезвычайное.

...Сереза был одним из самых ярких цветов нашей жизни. И повторяю — одним можно утешаться: его сломила

¹⁶ Сергей Дягилев и русское искусство... Т. 2. С. 326-327.

смерть еще в период самого пышного и великолепного цветения. Таким он у нас и останется в памяти.¹⁷

Дягилев (выступал – В.П.) в роли творца, решившего произносить «да будет» там, где его друзья только говорили: «Как хорошо было бы, если бы стало»...¹⁸

ИСТОРИЯ РОССИИ В СОЗНАНИИ ОБЩЕСТВА И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА В 1917–1953 ГГ.

Родионова И.В., к.и.н., доцент кафедры истории РГСУ

В начале XXI столетия стало очевидно, что для продуктивного развития России в условиях глобализирующегося мира необходимо формирование общенациональной идеологии, которая позволит систематизировать всё усложняющийся социальный опыт, объяснит его через соотношение с самодовлеющими ценностями.

Потребность в укреплении массового сознания как интегрирующей основы, придающей устойчивость обществу, осознаётся руководством страны, о чём свидетельствует принятие ряда правительственных решений. В частности, 9 января 2012 г. Президент РФ Д.А. Медведев подписал указ о проведении в Российской Федерации Года российской истории¹⁹.

Безусловно, в формировании личности огромную роль играет историческое образование, осуществляющее сохранение и передачу социального и духовного опыта предшествующих поколений. Обращение к российскому наследию значимо не только для ретроспективного анализа прошлого, но и для продуктивного размышления о перспективах развития страны

¹⁷ А. Н. Бенуа и его адресаты. Вып. первый. Переписка с Дягилевым (1893-1928). СПб., 2003. С. 112-114.

¹⁸ А. Бенуа. Мои воспоминания. ... Т. 1. С. 647.

¹⁹ Указ Президента Российской Федерации от 9 января 2012 г. № 49 «О проведении в Российской Федерации Года российской истории» // Президент России. Документы [Электронный ресурс]: URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1:1596682> (дата обращения: 27.06.2012).

на современном этапе, для успешной постановки и эффективного решения стратегических задач.

В современной геополитической ситуации представляется необходимым объективное исследование и использование опыта советского прошлого, поскольку некоторые его идейные и ценностные установки продолжают оказывать своё влияние.

В послереволюционный период в государственной идеологии и, в целом, в духовной жизни общества произошли существенные изменения. Одним из признаков трансформации является отношение к основным вехам российской государственности в советской идеологической политике и массовом сознании.

Как справедливо отмечал А.Г. Кузьмин, в 1920-е гг. «культивировалось нигилистическое отношение к русской истории»²⁰. История страны подвергалась глобальной переоценке с позиций классовых интересов пролетариата. Данный подход стал основополагающим в работах М.Н. Покровского, который даже сам термин «русская история» объявил «контрреволюционным»²¹. Подобный подход вёл к дегероизации прошлого, искажал историческую правду в массовом сознании. Особенно этот процесс затронул молодёжь, что ярко демонстрируют стихи комсомольского поэта Джека Алтаузена, который от лица «нового» поколения требовал снести памятник спасителям Русской земли Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому: «Я предлагаю Минина расплавить. // Пожарского. Зачем им пьедестал? // Довольно нам двух лавочников славить. // Их за прилавками Октябрь застал. // Случайно им мы не свернули шею. // Им это было бы под стать. // Подумаешь, Они спасли Расею. // А может, лучше было б не спасать?»²².

Изучение отечественной истории осуществлялось выборочно – отдельными, наиболее политически актуальными темами. В исторических трудах изменился смысл базовых для самосознания народа понятий, проявлениям патриотизма давалась негативная оценка. Страницы героического дореволюционного прошлого страны и русского народа оценивались сугубо отрицательно или замалчивались.

²⁰ Кузьмин А.Г. Писатель и история // Наш современник. 1982. № 4. С. 165.

²¹ Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930. Т. 1. С. 494-495.

²² Алтаузен Джек. Вступление к поэме // 30 дней. Иллюстрированный ежемесячник. 1930. № 8. С. 68.